

ЖЕСТОКОСТЬ И НАЗИДАТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

А. Г. Молитвик

Белорусский государственный университет, г. Минск;

molitvika50@gmail.com;

науч. рук. – В. Ю. Жибуль, канд. филол. наук, доц.

Доклад раскрывает художественные и психолого-педагогические аспекты и причины появления жестоких сцен и образов в детской поэзии. Табуирование и негативная оценка таких произведений частью педагогов и родителей, а также недостаточная изученность феномена жестокости в культурологическом и художественном контексте определяют новизну и актуальность работы. Объект исследования – выполненные И. К. Кондратьевым вольные переводы стихотворений Г. Гофмана, детские стихотворения М. Котина, Г. Остера. Результаты исследования могут стать базой для дальнейшего изучения проблемы жестокости в детской литературе, использоваться в учебных курсах детской литературы, при составлении рекомендательных списков для чтения, адресованных работникам детских учреждений и родителям.

Ключевые слова: поэзия для детей; русская поэзия XX века; жестокость; назидательность; комизм; перевертыш.

Литература для детей представляет собой особый способ отображения действительности. В мировой культуре не всегда уделялось внимание личности ребенка. Вплоть до эпохи романтизма литература, адресованная детям, была нравоучительной и учебной. Романтизм открыл миру совершенно нового ребенка. О. С. Карандашова отмечает: «Детство при этом начинает восприниматься как отдельный, самодостаточный и самоценный период жизни, зачастую как идеальная, "золотая" пора жизни человека» [1, с. 28]. Романтизм установил культ ребенка. В Серебряном веке данная тема получила символическое и философское наполнение. Детство стало ассоциироваться с высшей ценностью, с божественным и святым.

С тех пор интерес к теме детства не угасает. В литературе продолжают появляться произведения для детей и о детях. В отношении детской литературы наблюдается тенденция ужесточения цензуры. По мнению современных педагогов и родителей, классические произведения для детей, написанные в дореволюционное и советское время, чересчур жестокие.

Жестокость в детскую литературу проникает разными путями. Детские авторы зачастую вдохновляются фольклором и мифологией. Известные на весь мир сказочные образы и сюжеты – это переосмысление древних обрядов и ритуалов. Обряд инициации существовал во времена родоплеменного строя. Суть обряда заключалась в прохождении испытаний, которые счита-

лись имитацией смерти человека. Оттуда и кровавые подробности о лишении конечностей, об изгнании в лес и других ужасах, обрушивающихся на юных героев сказок [2, с. 333].

Важную роль в возникновении феномена жестокости в литературе для детей сыграла её демократизация, начавшаяся еще в XVIII в. Большое значение в этом процессе имела деятельность Н. Новикова. Он издал первый в России журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789). Впервые произведение для детей включало в себя не один лишь энциклопедизм, а ещё и художественность, уважение к сознанию ребенка, правдивость и доверительный тон [3, с. 254–260]. Демократы мира детской литературы также считали, что ребенка не следует оберегать от жестокости и несправедливости окружающего мира, а надо уже в детстве показать юному читателю общественные противоречия и несправедливость. Это, по их мнению, должно пробудить в ребенке желание бороться со злом. Данная тенденция будет продолжена в творчестве С. Я. Маршака, К. И. Чуковского и др.

На рубеже столетий в лирике для детей большее внимание стали уделять эстетической составляющей, а также желаниям самого ребенка. Поэты, наконец, прониклись доверием к маленькому читателю, стали прорабатывать и усложнять дополнительные смыслы. Такой тенденции сопротивлялись консервативные критики, родители и педагоги, однако это не помешало поэзии для детей развиваться именно в данном направлении. С усложнением смысловой структуры детской поэзии в нее все чаще стали проникать жестокие сцены и образы.

В XX в. можно заметить несколько примеров такого рода поэзии для детей, как нравоучительные стишки-рассказы, где автор во всех красках описывает, что случится с ребенком, если тот не будет послушным. Такой формат стал популярным после оглушительного успеха книги Г. Гофмана «Степка-Растрепка», впервые опубликованной в Германии в 1845 г. Для русских читателей книга неоднократно издавалась в различных вариантах перевода. Произведение содержит не завуалированные сцены жестокости, что и настраивало многих взрослых против «Степки-Растрепки». Дети же были в восторге от книжки, тем более, что текст был проиллюстрирован жуткими картинками.

Гофман в своей книге применяет жестокость с назидательной целью. Однако он делает это так шутливо и с таким обаянием, что это совсем не вызывает ужас. Дети очень тонко чувствуют иронию, и порой подобные строки становятся причиной веселья; хотя и писатель заканчивает стихотворение о Степке-растрепке на весьма поучительной ноте:

Съ тѣхъ поръ Степушка исчезъ.
Можетъ-быть, упаль онъ въ лѣсъ —
И расшибся тамъ о сукъ,
Испытавъ не мало мукъ

Между небомъ и землей;
Можеть-быть, онъ, надъ водой
Пролетая, тамъ погибъ,
Ставь добычей жадныхъ рыбъ, —
Мы не знаемъ. Знаемъ лишь:
Если, мальчикъ, ты шалишь,
То такая, слышь, игра
Не доводить до добра [4, с. 20].

В русской детской литературе впоследствии это стало своего рода традицией. В 1991 году была издана книга Михаила Котина «Пугалки для непослушных детей». Там читатель может обнаружить жуткое разнообразие учащейся, ожидающих маленьких неждов. Некоторые вселяют тревогу даже во взрослого:

Ты не убрал свои игрушки.
Ты их оставил на полу.
А две беззубые старушки
Пришли и спрятались в углу.
Ты ляжешь спать, они достанут
Свой заколдованный мешок
И превращать игрушки станут
В простой стиральный порошок.
Ты утром встанешь — где игрушки?
В углу лишь твой ночной горшок.
А в следующий раз старушки
Тебя засунут в свой мешок [5, с. 6].

Однако не исключено, что за очевидной моралью и здесь кроется доля иронии. Ведь в упомянутой книге обыгрываются ситуации заведомо нереалистичные, и даже дети распознают в них повод для смеха. Это позволяет по-новому взглянуть на приевшиеся нравовчения взрослых. Возможно, именно поэтому такого рода произведения встречаются успех у детской аудитории.

Еще одно подобное произведение — «Вредные советы» (1990) Г. Б. Остера. В нем используется прием «ситуации-перевертыша», а жестокость вводится для достижения крайней степени абсурда:

Если всей семьей купаться
Вы отправились к реке,
Не мешайте папе с мамой
Загорать на берегу.
Не устраивайте крика,
Дайте взрослым отдохнуть.
Ни к кому не приставая,
Постарайтесь утонуть [6, с. 12].

Возможно, взрослый ужаснется такому «совету», но ребенок хорошо понимает, что «совет вредный», и у него ситуация вызовет улыбку. На такой веселой ноте урок будет усвоен гораздо лучше, чем, если бы он преподносился в серьезной форме. Для полного понимания задумки Г. Остер добавляет забавную приписку в начале книги: «Недавно ученые открыли, что на свете бывают непослушные дети, которые все делают наоборот. Им дают полезный совет: "Умывайтесь по утрам" – они берут и не умываются. Им говорят: "Здоровайтесь друг с другом" – они тут же начинают не здороваться. Ученые придумали, что таким детям нужно давать не полезные, а вредные советы. Они все сделают наоборот, и получится как раз правильно» [7, с. 3].

За назидательностью жестоких сцен зачастую кроется иная функция: введение феномена жестокости выступает как своеобразный протест против «правильной» назидательности. Детские авторы смеются над строгими нравоучениями, поскольку считают такую манеру воспитания в корне неверной. Жестокие образы высвобождают агрессию, что может помочь ребенку справиться с фрустрациями – состоянием краха и подавленности, вызванное переживанием неудачи [8, с. 76].

Таким образом, детские авторы избирали жестокость как прием, потому что, по их мнению, это самый действенный способ познакомить ребенка с реалиями мира в игровой форме, не нанося вред неокрепшей психике. Как говорил А. А. Блок о роли жестокости в произведениях для детей: «Нельзя забывать о том, что наш век – "век железный" и что всякая сентиментальность по отношению к детям в наше время есть великий грех, потому что может развить в них бездеятельность, апатичность, неприспособленность к жизни, следовательно, сделать из них несчастных безвольных людей» [9, с. 275].

Библиографические ссылки

1. Карандашова О. С. О влиянии романтизма на русскую детскую литературу // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2019. № 3. С. 28.
2. Пропп В. Я. «Исторические корни Волшебной сказки». Москва: Лабиринт, 2000.
3. Привалова Е. П. «Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критики // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. Москва; Ленинград: Наука, 1966. С. 254–260.
4. Гофман Г. Степка-Растрепка. Похождения одного неисправимого шалуна. Москва: Типография И. Д. Сытина, 1914.
5. Котин М. Б. Пугалки для непослушных детей. Москва: ММП Кэнди, 1991.
6. Остер Г. Б. Вредные советы. Москва: АСТ, 2011.
7. Остер Г. Б. Все вредные советы в одной книге. Москва: Росмэн, 1995.
8. Головин С. Ю. Фрустрация // Словарь практического психолога. Москва: АСТ, Харвест, 1998. С. 76.
9. Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. Москва: Худож. лит., 1965.